

МИЦКЕВИЧ И ТЮТЧЕВ — «РАЗГОВОР» ПРОТИВ «МОЛЧАНИЯ»

Максим Анатольевич Артемьев

Кандидат психологических наук, доцент,
независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
Электронный адрес: art-maksim@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6188-0134

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению двух ключевых произведений романтической лирики польской и русской поэзии — А. Мицкевича «Разговор» и Ф. Тютчева «Silentium!», посвященных проблематике языка, соотношению мысли и ее выражения. Показывается внешнее сходство стихотворений, возможное влияние на них стихотворения А. Ламартина «Бог». И «Разговор» и «Silentium!» предстают как яркие проявления национальных литератур эпохи романтизма, развивавшихся под французским влиянием. Рассматривается различие авторского подхода к заявленным вопросам, то, как поэты приходят в итоге к противоположным выводам. Также обозначается место данных стихотворений в творчестве обоих авторов, анализируется творческая эволюция поэтов в свете высказанных ими идей. Делается вывод об исторической обусловленности «совпадения» сюжета и словаря стихотворений, вызванной принадлежностью Мицкевича и Тютчева к одному поколению, хотя и в различных национальных литературах.

Анализируются грамматические и синтаксические основы построения рассматриваемых стихотворений, их строфика, используемые формы стихосложения. Особое внимание обращается на общеславянские соответствия в русском и польском поэтических языках, взаимных возможностях версификации. Делается вывод о коренных философских различиях обоих поэтов, их мировоззрения, проявленного в данных стихотворениях. В связи с этим выявляется расхождение в вопросе философии языка у каждого из авторов. Сопоставляются временные характеристики «Разговора» и «Silentium!» Также ставится вопрос о влиянии стихотворения Мицкевича на последующих польских поэтов, в частности, Пшерву-Тетмайера. Особо рассматриваются обращение Адама Мицкевича к теме летаргии и возможного влияния Мольера на риторический оборот у Тютчева в стихотворении «Silentium!»

Ключевые слова

Адам Мицкевич, Федор Тютчев, Альфонс де Ламартин, русско-польские литературные связи, романтизм

Статья поступила в редакцию 13 мая 2025 г.

Статья доработана автором 24 июня 2025 г.

Статья принята в печать 15 сентября 2025 г.

Цитирование: Артемьев М. А. Мицкевич и Тютчев — «разговор» против «молчания» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 112–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.05>

MICKIEWICZ AND TYUTCHEV — “CONVERSATION” VERSUS “SILENCE”

Maxim A. Artemyev

Ph. D., Associate Professor,
Independent Researcher
Moscow, Russian Federation
E-mail: art-maksim@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6188-0134

Abstract

The article is devoted to the comparison of two key works of romantic lyric poetry of Polish and Russian poetry — A. Mickiewicz’s “Conversation” and F. Tyutchev’s “Silentium!”, devoted to the problems of language, the relationship between thought and its expression. The external similarity of the poems is shown, the possible influence of A. Lamartine’s poem “God” on them. Both “Conversation” and “Silentium!” appear as vivid manifestations of national literatures of the Romantic era, developing under French influence. The differences in the authors’ approach to these issues is considered, including the way the poets eventually come to opposite conclusions. The place of these poems in the work of both authors is also stressed, and the creative evolution of the poets is analyzed in the light of the ideas expressed by them. The conclusion is made about the historical determinacy of the “coincidence” of the plot and vocabulary of the poems, caused by the fact that Mickiewicz and Tyutchev belonged to the same generation, although in different national literatures. The grammatical and syntactic foundations of the construction of the poems under consideration, their strophic structure, and the forms of versification used are analyzed. Particular attention is paid to the common Slavic correspondences in the Russian and Polish poetic languages, and the mutual possibilities of versification. The conclusion is made about the fundamental philosophical differences between both poets and their worldview, manifested in these poems. In this regard, a discrepancy on the issue of the philosophy of language between the authors is revealed. The temporal characteristics of “Conversation” and “Silentium!” are compared. The question of the influence of Mickiewicz’s poem on subsequent Polish poets, in particular, Przerwa-Tetmajer, is also raised. Particular attention is paid to Adam Mickiewicz’s treatment of the theme of lethargy and the possible influence of Moliere on Tyutchev’s rhetorical turn in the poem “Silentium!”

Keywords

Adam Mickiewicz, Fyodor Tyutchev, Alphonse de Lamartine, Russian-Polish literary ties, romanticism

Received 13 May 2025

Revised 24 June 2025

Accepted 15 September 2025

For citation: Artemyev, M. A., 2025. Mickiewicz and Tyutchev — “Conversation” versus “Silence”. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 112–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.05>

Одно из самых известных в России стихотворений Адама Мицкевича — «Разговор» («Rozmowa»)¹. Оно было написано в 1825 г. в Одессе и опубликовано в 1827 г. в Вильне. Только в XIX в. его переводили (и публиковали перевод) Н. Берг, Н. Огарев, М. Петровский, А. Фет. Стихотворение цитировал И. Тургенев в повести «После смерти (Клара Милич)» в одном ряду с Библией и Ф. Шиллером.

«Разговор» положил на музыку Михаил Глинка, причем (единственный случай в его практике) в оригинальном, не переводном, варианте. Позже композитор адаптировал романс к русскому переводу². Также стихотворение использовали Александр Даргомыжский («О, милая дева») и Цезарь Кюи («Разговор»). В Польше на эти стихи Мицкевича создал романс классик национальной музыки Станислав Монюшко³. Приведем стихотворение в дословном переводе⁴:

*Любимая моя! К чему нам разговор?
Почему, желая поделиться с тобой чувствами,
Не могу душу в душу излить?
Зачем нужно ее разбивать на слова,
Которые, прежде чем слуха твоего и сердца достигнут,
В устах вянут и на воздухе стынут?*

*«Люблю, ах, люблю», — по сто раз кричу,
А ты грустишь и начинаешь гневаться,
Что я любви своей не могу
Достаточно вымолвить, выразить, спеть;
И, словно в летаргии, я не вижу способа
Подать знак, что жив, чтобы избежать могилы.*

*Утомил уста свои напрасным усилием:
Теперь я хочу растопить их твоими губами,
И хочу говорить лишь биением сердца,
И вздохами, и поцелуями,
И так говорить часы, дни, годы,
До конца света и после конца света.*

¹ Michiewicz A. Rozmowa [Электронный ресурс]. URL: <https://tei.nplp.pl/entities/7348> (дата обращения: 07.01.2025).

² Карпова Е. Интерпретация русскими композиторами стихотворения Адама Мицкевича «Rozmowa» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–6. С. 105–108.

³ Павелко Е. Романсы «Rozmowa» на слова А. Мицкевича, М. Глинки и С. Монюшко: два женских образа и два образа одного стихотворения // Київське музикознавство. 2015. № 51. С. 105–115.

⁴ Здесь и далее переводы мои. — М. А.

В 1830 г. было написано, а в 1833 г. опубликовано стихотворение «Silentium!»⁵ Ф. И. Тютчева. Оно стало одним из самых популярных у поэта во многом благодаря своей афористичности и выражению того, что можно считать квинтэссенцией убеждений автора. И Мицкевичу, и Тютчеву было по 26 лет, когда они создали эти произведения.

В русском и польском литературоведении нет традиции сопоставления «Silentium!» и «Разговора», что является явным упущением, поскольку это помогает вписать их в контекст мировой литературы своего времени.

Оба стихотворения состоят из трех строф по шесть строк. У Мицкевича рифмовка по типу АВАВСС, у Тютчева — ААВВСС (все мужские рифмы). При этом у русского поэта последние пары в каждой строфе имеют одинаковую рифму, и заключительное слово во всех трех — «молчи». «Разговор» написан силлабическим одиннадцатисложником, «Silentium!» — четырехстопным ямбом, что дает восемь слогов в строке. Таким образом, «Разговор» более объемен.

Стихотворения обращены к собеседнику: у Мицкевича это любимая, у Тютчева — его читатель. В каждом есть строфа с тремя вопросительными знаками (в других строфах их нет), у Мицкевича с этой строфы стихотворение начинается, у Тютчева она стоит второй. Это объясняется логикой построения поэтического текста: у русского поэта сперва идет энергично-напористое вступление-поучение, затем следует лирический отход, выражаемый вопросами, и после — возвращение к назиданию.

У польского поэта — плавное разворачивание повествования. В начале он передает вопросами тревожащую его ситуацию и, постепенно раскрывая картину своих мучений, завершает стихотворение образом желаемого счастья. В стихотворении Тютчева можно поменять местами 1 и 3 строфы без потери смысла, у Мицкевича так сделать невозможно.

У Тютчева нет ни одного глагола прошедшего времени, все они либо будущего времени, либо настоящего (близкого по смыслу к *present indefinite*), либо в повелительном наклонении. У Мицкевича только один глагол прошедшего времени — *strudzilem*. Это типично для лирической поэзии, поскольку обычно описывается ситуация текущего яркого эмоционального переживания. В данном же случае перед нами либо дидактика, либо выражение мечты.

Обоих поэтов мучает вопрос невозможности вербальной коммуникации: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя <...>? Мысль изреченная есть ложь»; «<...> слова, которые <...> в устах вянут и на воздухе стынут <...> любви своей не могу достаточно вымолвить, выразить, спеть <...>». Но, зафиксировав свое недовольство состоянием невыразимости, поэты демонстрируют различные пути выхода из тупика.

⁵ Тютчев Ф. И. Silentium! // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М., 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. С. 123.

Мицкевич верит в невербальную коммуникацию — «<...> хочу говорить лишь биением сердца, и вздохами, и поцелуями», то есть взаимопонимание возможно через телесное сближение. Тютчев в принципе отрицает взаимопонимание, о чем свидетельствует трехкратный призыв «молчи». Человек обречен на одиночество: «Лишь жить в себе самом умей».

Слова у Мицкевича материальны в своей основе — трижды упоминаются уста (губы) как органы речи. Соответственно, слова, завися от порождающих их физических органов, могут обветшать, остыть. Проходя через посредников (не только органы речи, но и слуха), они теряют свою силу и значение.

В стихотворении «Два слова» («Dwa słowa»)⁶ у Мицкевича имеется такая же картина слов как физических объектов — *Chciałbym wszystkie słówka chwytać Wprzód, nim od ustek odlecą* [Хотел бы все слова ухватить, прежде чем с губ отлетят].

Многоступенчатому языку слов, когда мысль нужно зашифровать вербально, а затем расшифровать с неизбежной потерей при этом полноты смысла, Мицкевич противопоставляет язык непосредственных чувств. Телесность в данном случае не помеха духовности. Души сливаются в слиянии губ — ход мысли, противоположный Сюлли-Прюдому, первому Нобелевскому лауреату по литературе (*Les caresses ne sont que d'inquiets transports, Infructueux essais d'un pauvre amour qui tente L'impossible union des âmes par les corps* [Ласки всего лишь беспокойный жар, бесплодные попытки несчастной любви достичь невозможного единения душ слиянием тел], — цитата хорошо известна русскому читателю благодаря использованию Ги де Мопассаном в рассказе «Одиночество», отобранном Львом Толстым для сборника избранного французского писателя⁷).

Если обращаться к французской литературе, то польский литературовед Юзеф Калленбах полагал⁸, что на философию языка у Мицкевича оказало влияние стихотворение «Бог» («Dieu»)⁹ Альфонса де Ламартина из его первого сборника «Поэтические размышления» («Méditations poétiques») 1820 г., имевшего всеевропейскую славу. Данное наблюдение Калленбах приводит в связи со знаменитой «Импровизацией» («Improwizacja») из III части «Дзядов»¹⁰. Она открывается следующими словами:

⁶ *Mickiewicz A. Dwa słowa* [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Dwa_s%C5%82owa_\(Mickiewicz\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Dwa_s%C5%82owa_(Mickiewicz)) (дата обращения: 07.01.2025).

⁷ Сочинения Ги де Мопассана, избранные Львом Николаевичем Толстым / перевод Л. П. Никифорова, просмотренный Л. Н. Толстым. М.: Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893.

⁸ *Kallenbach J. Adam Mickiewicz. Tom drugi. Lwów, 1926. S. 42–43.*

⁹ *Lamartine A. Dieu*. [Электронный ресурс]. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92uvres_compl%C3%A8tes_de_Lamartine_\(1860\)/Tome_1/Dieu](https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92uvres_compl%C3%A8tes_de_Lamartine_(1860)/Tome_1/Dieu) (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁰ *Mickiewicz A. Dziady część III/Scena II IMPROWIZACJA* [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Dziady_cz%C4%99%C5%9B%C4%87_III/Scena_II (дата обращения: 07.01.2025).

*Samotność! — Cóż po ludziach, czym śpiewak dla ludzi?
 Gdzie człowiek, co z mej pieśni całą myśl wysłucha,
 Obejmie okiem wszystkie promienie jej ducha?
 Nieszczęsny, kto dla ludzi głos i język trudzi:
 Język kłamie głosowi, a głos myślom kłamie;
 Myśl z duszy leci bystro, nim się w słowach złamie,
 A słowa myśl pochłona, i tak drżą nad myślą,
 Jak ziemia nad połkniętą, niewidzialną rzeką;
 Z drżenia ziemi czyż ludzie głab' nurtów docieką,
 Gdzie pędzi, czy się domyślą?*

[Одиночество! — Что люди, что певец людям?
 Где человек, который поймет всю суть моей песни,
 Охватит о ком все лучи ее духа?
 Несчастен тот, кто для людей голос и язык напрягает:
 Язык обманывает голос, а голос — разум;
 Мысль быстро вылетает из души, прежде чем отлиться в слове,
 И слова поглощают мысль и так дрожат над мыслью,
 Как земля над поглощенной, невидимой рекой;
 По дрожи земли узнают ли люди глубину течений,
 Куда они несутся, догадуются ли?]

Как мы видим, здесь повторяются присущие Мицкевичу идеи и образы — сравните *rozdrabiać na słowa* и *się w słowach złamie*, жалобы на невозможность словами изложить мысль: «Язык обманывает голос, а голос — разум». Любопытен и образ подземного течения, который перекликается с тютчевскими словами «Взрывая, возмутишь ключи».

Ламартин же пишет:

*Mais sitôt que je veux peindre ce que je sens,
 Toute parole expire en efforts impuissants :
 Mon âme croit parler ; ma langue embarrassée
 Frappe l'air de vains sons, ombre de ma pensée.*

[Но как только я хочу изобразить то, что чувствую,
 Все слова иссякают в беспомощных усилиях:
 Душе кажется, что она говорит; мой смущенный язык
 Бьет по воздуху пустыми звуками, тенью моей мысли].

Сходство с Мицкевичем очевидно. И дальше он продолжает:

*Dieu fit pour les esprits deux langages divers :
 En sons articulés l'un vole dans les airs ;
 Ce langage borné s'apprend parmi les hommes ;
 Il suffit aux besoins de l'exil où nous sommes,
 Et, suivant des mortels les destins inconstants,
 Change avec les climats ou passe avec les temps.
 L'autre, éternel, sublime, universel, immense,*

*Est le langage inné de toute intelligence :
Ce n'est point un son mort dans les airs répandu,
C'est un verbe vivant dans le cœur entendu...*

[Бог создал для духа два разных языка:
В членораздельных звуках один летает по воздуху;
Этот ограниченный язык изучается среди людей;
Он достаточен для нужд изгнания, в котором мы находимся,
И, следуя переменчивым судьбам смертных,
Изменяется с природой или проходит со временем.
Другой, вечный, возвышенный, всеобщий, необъятный,
Является врожденным языком всякого разума:
Это не мертвый звук, разлитый в воздухе,
Это живое слово, слышимое в сердце...]

Но для Ламартина обращение к теме «двух языков», материального, разлетающегося в воздухе, и живущего в душе, — лишь попутное замечание, не главное ни в стихотворении, ни в его творчестве в целом. «Бог» посвящен попыткам осознания бесконечности, выражаемой названием. У Мицкевича же это предмет постоянных напряженных переживаний.

Для нас же значимо, что и здесь есть тема водных потоков:

*L'être à flots éternels découlant de son sein,
Comme un fleuve nourri par cette source immense,
S'en échappe, et revient finir où tout commence*

[Существо, из груди которого текут вечные волны,
Подобно реке, питаемой этим огромным источником,
Убегает от него и возвращается закончиться, где все начинается.].

Слово *nourri* «питаемый» вызывает в памяти тютчевское «питайся ими». Так что вполне возможно, что ламартиновские образы непосредственно повлияли не только на Мицкевича, но и на Тютчева. Таким образом, «точкой пересечения» русского и польского поэтов является стихотворение французского поэта, откуда они могли взять некоторые образы. Но оба творчески развили исходную идею, смогли, каждый по-своему, в чеканных формулировках изложить волнующее их, а у Ламартина несовершенство человеческого языка осталось на периферии его наблюдений, и, в отличие от стихотворений Мицкевича и Тютчева, данные строки не стали регулярно цитируемой национальной классикой.

Тютчев уходит в себя, проповедует ничегонеделанье, тогда как Мицкевич верит в активность, но другого, не словесного, рода. Тютчев герметичен, Мицкевич открыт миру. У него есть возлюбленная, придающая смысл его существованию и способная подарить вечное наслаждение. У Тютчева нет никого. Однако он не пребывает в буддийской нирване, его изоляция полна событий, но внутренней жизни — «Есть целый мир в душе твоей Таинственно-волшебных дум».

У Мицкевича рисуется переход влюбленной пары в вечность, обещается посмертное бесконечное блаженство монотеистических религий, у Тютчева нет указаний на то, сколько продлится «любование» чувствами и мечтами, будет ли оно конечным.

Враждебность обоих поэтов речи имеет разную природу. По Мицкевичу, язык не помогает передавать смысл, будучи несовершенным орудием. По Тютчеву, речь сама по себе бессмысленна, ибо хочет выразить невыразимое — «Мысль изреченная есть ложь». Этот посыл содержит в себе смысл всего стихотворения, одновременно подвергая его сомнению, будучи одним из вариантов «парадокса лжеца». Осознание этого противоречия, в свою очередь, позволяет вычленять из стихотворения новые смыслы. Отметим, что так называемые «философские (логические) парадоксы», в том числе и «парадокс лжеца», имеют своей основой несовершенство речи. Поэтому позицию Тютчева можно понимать как констатацию этой языковой неполноты: мир, воссоздаваемый вербально, не равен миру реальному, или, если прибегнуть к кантовскому определению, «вещь в себе» не раскрываема.

Мицкевич обходит данную проблематику. Его больше волнует не «что», а «как». Неполнота языка — не что-то имманентно заданное, а переменная, зависящая от носителей. Задача человека — найти правильный путь. В его случае это непосредственное переливание души в душу. Тогда достигается слияние двух «вещей в себе» в одну. Итог по Мицкевичу — это вечный разговор влюбленных (*I tak rozmawiać, godziny, dni, lata, Do końca świata i po końcu świata*). Поэтому само название стихотворения — «Разговор» — положительно по отношению к языку, Мицкевич в его завершение все-таки оправдывает человеческую речь; после первоначальных жалоб на нее он находит способ обойти ее несовершенство. Трехкратное же «молчи» Тютчева, завершающее стихотворение, не оставляет никаких надежд.

«Silentium!» подчеркнуто интеллектуален — «мечты», «мысль», «думы». В «Разговоре» же нет упоминаний об уме, мыслях и т. д. Он целиком о чувствах (*uczucia*). Соответственно, в тексте Тютчева нет слова «любовь», тогда как у Мицкевича стихотворение целиком построено вокруг этого чувства. Производные от *kochać* ‘любить’ повторяются четыре раза (*kochanko, kocham* 2 раза, *kochania*). Тютчев пропускает любовь как нечто неподконтрольное разуму. Его закрытый мир — мир без любви, ибо любовь требует участия Другого, а это невозможно без нарушения молчания.

У русского поэта есть лишь легкий намек на любовь: «Как сердцу высказать себя?» И в русской, и в польской культуре и языке «сердце» — синоним вместилища чувств, в первую очередь любви. И Мицкевич тоже пишет о сердце: «прежде чем <...> сердца достигнут <...> хочу говорить лишь биением сердца», прямо имея в виду любовь. Но тютчевская недоговоренность оставляет нам субъективно трактуемую многозначность, ибо «сердце» может означать и иные чувства помимо любви.

Наибольшее сближение поэтов происходит в подборе слов — «Как сердцу высказать себя?», «*Że ja kochania mojego nie zdołam Dosyć wymówić, wyrazić, wyśpiewać*». Поскольку оба языка — славянские, то приставка вы- / wy- указывает у них на одно и то же — желание выйти из изоляции. В данном случае приставка в польском языке оказывается более продуктивной, позволяя использовать слово *wyśpiewać*, тогда как по-русски «выпеть» представляется редчайшим исключением, ср. «Я не сочинял и не выдумывал ее, она выпелась сама собою из душ» (Н. Гоголь)¹¹.

Внутренний мир Тютчева — ночной, противопоставленный дневному: «Безмолвно, как звезды в ночи», «Дневные разгонят лучи», и «Их оглушит наружный шум» также недвусмысленно указывает на ночной покой. У Мицкевича нет времени дня. Время он использует как длительность — «часы, дни, годы», «до конца света», «после конца света».

Повторение в «*Silentium!*» «молчи» в конце каждой строфы (всякий раз с иным знаком препинания) напоминает, если брать знакомую Тютчеву классическую литературу, куплеты Муфтия на средиземноморском «лингва франка» из пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве»¹², с их *tazir, tazir* («молчи, молчи»):

*Se ti sabir,
Ti respondir;
Se nou sabir,
Tazir, tazir.*

*Mi star Mufti:
Ti qui star ti?
Non intendir:
Tazir, tazir.*

[Если ты понимаешь,
то отвечай,
если нет,
молчи, молчи.

Я Муфтий, кто ты?
Не понимаю,
молчи, молчи.]

¹¹ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%B8%D0%B7%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D1%81_%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D0%B8_\(%D0%93%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C\)/I](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%B8%D0%B7%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D1%81_%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D0%B8_(%D0%93%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C)/I) (дата обращения: 15.09.2025).

¹² Molière. Le Bourgeois gentilhomme/ Acte IV. [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Le_Bourgeois_gentilhomme/%C3%89dition_Louandre,_1910/Acte_IV (дата обращения: 07.01.2025).

Мицкевич вводит образ популярной в его эпоху летаргии, вокруг которой ходило немало домыслов и легенд. Летаргию он упоминает в 1827 г. в стихотворении «Греческая комната» («Na pokój grecki») с подзаголовком «В доме княгини Зинаиды Волконской в Москве» («W domu księżnej Zeneidy Wołkońskiej, w Moskwie») и в поэме 1828 г. «Конрад Валленрод» («Konrad Wallenrod»), также написанной в Москве. И еще раз он обращается к образу летаргии в «Книгах народа польского и пилигримства польского» («Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskie»), написанной уже в эмиграции в 1832 г.

Выражаемые Адамом Мицкевичем мысли в «Разговоре» имели продолжение. Вот стихотворение 1827 г. «К князю Голицыну» («Do księcia Golicyna»)¹³:

*Jeżeli wolność czcić i kochać umiesz,
W naszej rozmowie nie potrzeba słowa —
Ja twe westchnienia, ty me łzy zrozumiesz
I dłoń uściśniesz — oto polska mowa.*

[Если свободу чтить и любить умеешь,
В нашем разговоре не нужны слова —
Я твои вздохи, ты мои слезы понимаешь,
И руку пожмешь — вот польская речь.]

У Федора Тютчева, напротив, направленность «Silentium!» развития не получила (за исключением отдельных редчайших жалоб — «И слов в унынии моем Не нахожу», «Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала б о былом, Искала слов, не находила» и, возможно, «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется»). «Шеллингианское» стихотворение 1836 г. «Не то, что мните вы, природа»¹⁴ провозглашает иные идеи, тут и превозношение языка, и любви, и дневного света: «в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык <...> Они не видят и не слышат, Живут в сем мире, как впотьмах <...>! При них леса не говорили И ночь в звездах нема была <...>! И языками неземными <...> В ночи не совещалась с ними В беседе дружеской гроза <...>! пойми, коль может, Органа жизнь глухонемой! Увы, души в нем не встревожит И голос матери самой!». Можно сказать, что это стихотворение — апофеоз человеческой речи, которой наделяется вся природа.

Схема окончания «Разговора» с его методическим перечислением обстоятельств: «И так говорить часы, дни, годы, До конца света и после конца света» предваряется в балладе 1822 г. «Тукай», часть I («Tukaj»)¹⁵ — *Zyj dla sług, przyjaciół, żony, Lata, wieki, nieśmiertelność* [Живи для слуг, друзей,

¹³ Mickiewicz A. Do księcia Golicyna [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Do_ksi%C4%99cia_Golicyna_\(Mickiewicz,_1899\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Do_ksi%C4%99cia_Golicyna_(Mickiewicz,_1899)) (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁴ Тютчев Ф. И. «Не то, что мните вы, природа...» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М., 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. С. 169–170.

¹⁵ Mickiewicz A. Tukaj Ballada I [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Poezye_Adama_Mickiewicza/Tukaj_Ballada_I (дата обращения: 07.01.2025).

жены, Годы, века, вечность (буквально — «бессмертие»)], и в завершение стихотворения 1827 г. «Незнакомой сестре моей приятельницы» («Nieznajomej siostrze przyjaciółki mojej») — *Widzieć tę gwiazdę społem i zbliska i zawsze!* [Видеть ту звезду вместе, рядом и всегда!]¹⁶.

Крупнейший польский поэт конца XIX в. Казимеж Пшерва-Тетмайер творчески развил конечную строку Мицкевича *Do końca świata i po końcu świata*, завершая стихотворение «Альпийские луга» («Hala»)¹⁷ так — *Chcieć śnić do życia końca i po życia końcu...* [Хотеть мечтать до конца жизни и после ее конца...] (Семантическая и стилистическая перекличка с «Разговором» Мицкевича есть у Пшеры-Тетмайера и в стихотворении «Почему сейчас не могу» («Dlaczegoż teraz nie mogę») — *Dlaczegoż teraz nie mogę gdzieś z tobą w zaciszu siedząc, wieść cichej rozmowy?* [Почему сейчас не могу где-то с тобой в укомном уголке сидеть, вести тихий разговор?]¹⁸

У Тютчева назидательная конструкция «Silentium!» использовалась двадцать лет спустя в стихотворении 1850 г. «Не рассуждай, не хлопочи»¹⁹, но уже без высокого пафоса, в чем-то иронически: «Чего желать? О чем тужить? День пережит — и слава Богу!» В духе «Silentium!» лишь совет: «Дневные раны сном лечи».

Федор Тютчев хорошо представлял значение Адама Мицкевича. В 1842 г. им было написано стихотворение «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича»²⁰, в котором он так характеризует польского поэта: «Муж несомненного призванья, Муж примиряющей любви... Ты был Поэт — ты стал Пророк... Ты ж, сверхъестественно умевший В себе вражду уврачевать».

Неизвестно — слышал ли Мицкевич о Тютчеве при его жизни, о скромном дипломате во второстепенных государствах, а после — цензоре российского МИДа. Но, несмотря на то что их жизненные пути никак не пересекались, их творчество имеет точки совпадения. Предложенный анализ показывает, как польский и русский поэты могли в чем-то схоже, а в чем-то различно трактовать в своей поэзии проблему соотношения языка и мысли, интерес к которой обуславливался тематикой, свойственной романтизму, одновременно проявившись в Польше и в России.

¹⁶ *Mickiewicz A. Nieznajomej siostrze przyjaciółki mojej.* [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Nieznajomej_siostrze_przyjaci%C3%B3kmojej_\(Mickiewicz,_1899\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Nieznajomej_siostrze_przyjaci%C3%B3kmojej_(Mickiewicz,_1899)) (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁷ *Przerwa-Tetmajer K. Hala.* [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Hala_\(Tetmajer,_wyd._1900\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Hala_(Tetmajer,_wyd._1900)) (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁸ *Przerwa-Tetmajer K. Dlaczegoż teraz nie mogę...* [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Dlaczego%C5%BC_teraz_nie_mog%C4%99 (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁹ *Тютчев Ф. И. «Не рассуждай, не хлопочи...» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М., 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. С. 18.*

²⁰ *Тютчев Ф. «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М., 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. С. 191.*

Источники

- Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%B8%D0%B7_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D1%81_%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D0%B8_\(%D0%93%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C\)/I](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%B8%D0%B7_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D1%81_%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D0%B8_(%D0%93%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C)/I) (дата обращения: 15.09.2025).
- Сочинения Ги де Мопассана, избранные Львом Николаевичем Толстым / перевод Л. П. Никифорова, просмотренный Л. Н. Толстым. М.: Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1893.
- Тютчев Ф. И. «Не рассуждай, не хлопочи...» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. С. 18.
- Тютчев Ф. И. «Не то, что мните вы, природа...» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. С. 169–170.
- Тютчев Ф. И. «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. С. 191.
- Тютчев Ф. И. Silentium! // Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. С. 123.
- Lamartine A. Dieu [Электронный ресурс]. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92uvres_compl%C3%A8tes_de_Lamartine_\(1860\)/Tome_1/Dieu](https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92uvres_compl%C3%A8tes_de_Lamartine_(1860)/Tome_1/Dieu) (дата обращения: 07.01.2025).
- Mickiewicz A. Do księcia Golicyna [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Do_ksi%C4%99cia_Golicyna_\(Mickiewicz,_1899\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Do_ksi%C4%99cia_Golicyna_(Mickiewicz,_1899)) (дата обращения: 07.01.2025).
- Mickiewicz A. Dwa słowa [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Dwa_s%C5%82owa_\(Mickiewicz\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Dwa_s%C5%82owa_(Mickiewicz)) (дата обращения: 07.01.2025).
- Mickiewicz A. Dziady część III/Scena II IMPROWIZACJA [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Dziady_cz%C4%99%C5%9B%C4%87_III/Scena_II (дата обращения: 07.01.2025).
- Mickiewicz A. Nieznajomej siostrze przyjaciółki mojej [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Nieznajomej_siostrze_przyjac%C3%B3%C5%82ki_mojej_\(Mickiewicz,_1899\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Nieznajomej_siostrze_przyjac%C3%B3%C5%82ki_mojej_(Mickiewicz,_1899)) (дата обращения: 07.01.2025).
- Mickiewicz A. Rozmowa [Электронный ресурс]. URL: <https://tei.nplp.pl/entities/7348> (дата обращения: 07.01.2025).
- Mickiewicz A. Tukaj Ballada I [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Poezye_Adama_Mickiewicza/Tukaj_Ballada_I (дата обращения: 07.01.2025).
- Molière. Le Bourgeois gentilhomme/ Acte IV. [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Le_Bourgeois_gentilhomme/%C3%89dition_Louandre,_1910/Acte_IV (дата обращения: 07.01.2025).

Przerwa-Tetmajer K. Dlaczegoż teraz nie mogę... [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Dlaczego%C5%BC_teraz_nie_mog%C4%99 (дата обращения: 07.01.2025).

Przerwa-Tetmajer K. Hala. [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Hala_\(Tetmajer,_wyd._1900\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Hala_(Tetmajer,_wyd._1900)) (дата обращения: 07.01.2025).

Литература

Карпова Е. Интерпретация русскими композиторами стихотворения Адама Мицкевича «Rozmowa» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–6. С. 105–108.

Павелко Е. Романсы «Rozmowa» на слова А. Мицкевича, М. Глинки и С. Монюшко: два женских образа и два образа одного стихотворения // Київське музикознавство. 2015. № 51. С. 105–115.

Kallenbach J. Adam Mickiewicz. Tom drugi. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1926.

References

Karpova, E., 2017. Interpretation of Adam Mickiewicz's poem "Rozmowa" by Russian composers. *Modern trends in the development of science and technology*, No. 3–6, pp. 105–108. (In Russian)

Pavelko, E., 2015. Romances "Rozmowa" to the words of A. Mickiewicz, M. Glinka and S. Moniuszko: two female images and two images of one poem. *Kyivske muzykoznavstvo*, No. 51, pp. 105–115. (In Russian)

Kallenbach, J., 1926. *Adam Mickiewicz. Tom drugi*. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich.